

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111

Алексеевко Янина Алексеевна

аспирант,
преподаватель кафедры зарубежной
литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Yanina Aliakseyenka

PhD Student,
Lecturer of the Department of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
Alexeenko_1999@mail

ФИКЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ У. ШЕКСПИРА В АНГЛОФОННОМ
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XXI ВЕКА

Статья посвящена специфике ревизии жизни и творчества У. Шекспира в англофонной историко-биографической прозе XXI в. Раскрываются предпосылки мифологизации личности драматурга и компоненты биографического мифа об У. Шекспире. Устанавливаются ключевые составляющие шекспировского кода и формы его репрезентации в литературе. Выявляются особенности жанровой динамики в англоязычном историко-биографическом дискурсе на пересечении постмодернизма и метамодернизма.

Ключевые слова: *англофонная литература; биографический миф; жанровая динамика; историко-биографический дискурс; метамодернизм; постмодернизм; фикционализация; шекспировский код.*

FICTIONALIZATION OF W. SHAKESPEARE'S PERSONALITY
IN THE ANGLOPHONE HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL DISCOURSE
OF THE 21ST CENTURY

The article deals with the specifics of the revision of W. Shakespeare's life and works in the Anglophone historical and biographical fiction of the 21st century. The prerequisites for the mythologizing of the playwright's personality and the components of Shakespeare biographical myth are revealed. The key components of the Shakespearean code and the forms of its literary representation are defined. The features of genre dynamics in the English-language historical and biographical discourse at the intersection of postmodernism and metamodernism are identified.

Key words: *Anglophone literature; biographical myth; fictionalization; genre dynamics; historical and biographical discourse; metamodernism; postmodernism; Shakespeare code.*

В условиях глобализации и кризиса идентичности в XXI в. намечается универсальная тенденция к реконструкции в литературе большого исторического нарратива. В начале нового тысячелетия актуализируется поиск опоры в прошлом и стремление к ремифологизации важных в контексте национальной истории событий и персоналий. Наследие У. Шекспира (*William Shakespeare*, 1564–1616), неразрывно связанное с елизаветинской эпохой, является одной из главных составляющих национального самосознания и литературной традиции в англоязычном пространстве, частью

культурного кода стран Великобритании, США, Австралии, Индии, Канады. На протяжении нескольких веков англоязычные литераторы и иные деятели культуры обращаются к осмыслению жизни и творчества классика в различных формах в рамках интертекстуальной игры с английской литературной традицией и художественной реализации биографического мифа об У. Шекспире (в исторических и биографических романах, литературно-критических эссе, пересказах и адаптациях шекспировских сюжетов, мюзиклах, популярных сериалах, кино и т. д.).

Исторически мифологизации личности драматурга способствуют следующие факторы: большое количество пробелов в сведениях о его личной жизни (полное отсутствие информации о нескольких годах в его биографии), исключительный статус творческого наследия классика в рамках западного литературного канона, романтический культ гения и викторианский культ Шекспира (феномен бардопоклонничества), распространение концепций антишекспиризма и популяризация конспирологических теорий, влияние мировоззренческих и эстетических принципов постмодернизма. Возникновение антистратфордианских теорий наблюдается в XVIII в., активное развитие идеи получают во второй половине XIX в.

Основой биографического мифа о писателе всегда выступают реальные факты из жизни, подкрепленные сохранившимися документальными свидетельствами. Биографический миф может быть результатом как осознанной фикционализации собственного образа (в автобиографиях / мемуарах, романах-автофикциях и т. д.), так и многочисленных интерпретаций его жизни и творчества другими литераторами [1]. *Биографический миф об У. Шекспире* – это закреплённый в массовом сознании динамичный образ драматурга, который непрерывно переосмысливается и дополняется с учетом динамики культурного процесса. Он включает достоверно известные сведения о жизни драматурга; собирательный образ классика, формирующийся в результате фикционализации его жизни (в том числе членов его семьи – прежде всего, Э. Хэтэуэй, сына Хамнета, ряда современников, например, К. Марло (*Christopher Marlowe*, 1564–1593), Ф. Бэкона (*Sir Francis Bacon*, 1561–1626), Э. Ланьер (*Aemilia Lanyer*, 1569–1645), вымышленных возлюбленных, родственников и т. д.) с целью заполнить биографические лакуны; реалии елизаветинской эпохи, с которой неразрывно связано наследие У. Шекспира; антистратфордианские теории, объединяющие фигуры барда и его современников; рецепцию творчества сквозь призму биографического подхода.

Биографический миф об У. Шекспире является частью *шекспировского кода*. Шекспировский код составляют компоненты биографического мифа об У. Шекспире и совокупность его научных и художественных интерпретаций; шекспировский канон и шекспировский интертекст (в широком смысле вбирает в себя и поле интермедиальных взаимодействий с пьесами и сонетами в других видах искусства); историко-культурный контекст елизаветинской эпохи (творческое наследие старших и младших современников

У. Шекспира; корпус значимых в контексте английской действительности XVII в. персоналий, событий и локаций, научных достижений, религиозных воззрений, языковых особенностей, специфики повседневной жизни); элементы диалога и полемики с драматургом и его творческими методами в литературно-критических работах последующих эпох.

На разных этапах литературного процесса актуализируются те или иные компоненты шекспировского кода. Для романтизма в контексте культа гения важен, в первую очередь, биографический миф об У. Шекспире, подчеркивается исключительное значение его личности и творчества для английской литературы (достаточно вспомнить о викторианском феномене бардопоклонничества, который критикует Б. Шоу на рубеже XIX–XX вв.). Параллельно в реалистической парадигме жизненный путь драматурга раскрывается в историческом контексте, поскольку классик воспринимается, прежде всего, как выдающийся представитель славной елизаветинской эпохи. В противовес культу Шекспира с XIX в. систематически выдвигаются антистратфордские теории, в центре которых также находятся личность драматурга и детали его биографии. Авторы «новой биографии» начала XX в. фокусируются на внутреннем мире известной персоналии и стремятся к созданию достоверного психологического портрета елизаветинца, отказываются от детальной реконструкции исторического и литературного контекста XVII в., концентрируя внимание на отдельных периодах в биографии.

До второй половины XX в. писатели ориентируются на факты в попытке воссоздать творческий путь и образ классика в документальных биографиях, исторических романах, литературных биографиях и портретах, беллетризованных биографиях. В рамках постмодернизма У. Шекспир – это, прежде всего, текст в широком смысле слова, культурный код, центр западного литературного канона, а не личность и субъект истории. Шекспировский канон подвергается деконструкции, шекспировский интертекст становится формой и одновременно результатом игры с английской традицией. На рубеже XX–XXI вв. наблюдается синтез сохраняющих значимость принципов постмодернизма с новыми идеями и тенденциями, что отмечают Т. Красавченко [2], Б. Проскурин [3], Л. Хабибуллина [4] и др. В конце прошлого столетия возникает необходимость в иных мировоззренческих и эстетических установках, которые отвечали бы вызовам общества на рубеже веков (о «смерти» постмодернизма исследователи, в том числе Л. Хатчеон, говорят с 1980-х гг.) [5]. Г. Лушникова и Т. Осадчая подчеркивают, что в настоящее время на постсоветском пространстве не существует общепринятого определения данного явления: «Изучая новую пост-постмодернистскую литературу, исследователи находятся в поиске термина для ее обозначения. Среди наиболее часто встречающихся можно назвать “поздний пост-модернизм”, “постпостмодернизм”, “метамодернизм”, “новая искренность” и другие. Приставка “пост” в “постмодернизме” означает и сохранение установок модернизма, и его критику. Пост-постмодернизм, в свою очередь, делает

попытку реконструкции того, что было подвергнуто деконструкции в постмодернизме, при этом также сохраняя многие его установки» [6, с. 125]. Наиболее удачным термином для обозначения зарождающейся художественной системы и особенностей взаимодействия ее компонентов с постмодернистской парадигмой считается вариант «метамодернизм», который закрепился в западном литературоведении, – он подчеркивает пограничный, двойственный, характер современной культуры и ее тесную связь с предшествующей эпохой [7].

В основе постмодернистского мировоззрения лежат принципы глобальной иронии и тотального деконструктивизма, установка на плюрализм истин и невозможность объективного постижения мира, идея об ускользающей идентичности и стремление к универсализму, отказ от концепции «большой истории», утрата доверия к общепринятым историческим нарративам, представления о нелинейности времени и циклической концепции истории. В литературе эти концепции реализуются через активное использование темпоральных сдвигов, приемов проспекции и ретроспекции, особенно в историографической метапрозе; деконструкцию жанрового канона, пародирование и эксперименты с формульными жанрами массовой литературы в рамках игры с традицией и читательскими ожиданиями [8]. В рамках метамодернизма наблюдается возврат к онтологическим проблемам общечеловеческого масштаба (принятие различных взглядов на реальность, акцент на межличностных отношениях и внутреннем мире человека, актуализация вопроса о способах преодоления травматического опыта; использование приемов реализма для максимально достоверного и объективного изображения реальности, в том числе исторической, возврат к миметическому воссозданию действительности – детализация описаний, динамичность персонажей, социокультурный контекст).

Новая культурная парадигма отличается стремлением к созданию целостной картины мира, актуализацией категорий индивидуального и национального на фоне глобализации и кризиса как личной, так и коллективной идентичности (обращение к личностям и событиям, имеющим важное значение в контексте национальной культуры и истории), поиском причинно-следственных связей между событиями прошлого и настоящим. Метамодернизм реабилитирует веру в «большие нарративы» (метанарративы), что не предполагает объективность в изображении исторических реалий, подчеркивается субъективность авторской интерпретации общеизвестных фактов, событий и персоналий (свободное смешение факта и вымысла в художественном произведении для заполнения фактических лакун). В литературе XXI в. происходит ревизия жанров, жанровый синтез в историко-биографическом дискурсе обусловлен стремлением писателей к реконструкции образа исторической фигуры с учетом контекста эпохи, установкой на диалог и игру с читателем [9]. Игра, характерная для пост-

модернизма, остается одним из ключевых мировоззренческих принципов и способов организации художественной действительности в соответствии с авторскими интенциями.

Для метамодернистской литературы исключительную значимость имеет диалог с читателем: взаимодействие компонентов триады «автор – текст – читатель» обеспечивается игрой с читательскими ожиданиями посредством жанровой формы. В XXI в. жанр воспринимается как подвижная и открытая система, чем обеспечивается жанровая динамика в рамках литературного процесса: различные формы взаимодействуют в соответствии с тенденциями времени и авторскими интенциями. Жанровый синтез – один из доминирующих художественных приемов в новейшей литературе, определяющий фактор и инструмент жанровой динамики на стыке постмодернизма и метамодернизма. Он подразумевает слияние нескольких жанровых парадигм внутри одного произведения, что приводит к равноценному обмену составляющими и размыванию границ между ними, затрудняет жанровую атрибуцию текста [10].

В представлении М. Бахтина жанр – это высказывание, рождающееся из единства темы, композиции и стиля [11]. Согласно Н. Лейдерману, жанр – это не что иное, как мировоззренческая модель, которая предполагает взаимодействие содержания и формы, которое раскрывается только в процессе рецепции [12]. Если художественное произведение – это определенный образ мира, то жанр – это способ миромоделирования. Если текст – это высказывание (действие), дискурс – совокупность таких высказываний, объединенных ситуацией и интенциями участников коммуникации, то жанр – это тип высказывания в рамках того или иного дискурса, отличающийся заданными функциями и соответствующей формой. И. Силантьев, рассматривая отношения между дискурсом, текстом и жанром, приходит к следующему выводу: «В принципе, дискурс как таковой идентифицируется в общем коммуникативном поле культуры и социальной деятельности постольку, поскольку реализует свою особенную, ему свойственную коммуникативную стратегию – некую общую и в то же время специализированную коммуникативную цель и соответствующие ей дискурсивные средства. <...> Важно другое: коммуникативная стратегия дискурса выступает доминантой, своего рода “гипер-интенцией” по отношению к интенциональным характеристикам жанров (напомним, типов высказываний), составляющих целое дискурса» [13, с. 81]. Так, под *историко-биографическим дискурсом* понимается корпус художественных текстов (как в синхронической, так и в диахронической перспективе), для которых характерны близкие стратегии фикционализации исторической действительности в контексте выбранной эпохи, общие формы рецепции жизни и творчества известной персоналии и схожие жанровые черты.

Так, в настоящее время, на стыке постмодернистской и метамодернистской художественных парадигм, реализуется комплексный подход

к феномену У. Шекспира (личность, эпоха и интертекст воспринимаются как единое целое). Воплощение биографического мифа об У. Шекспире и фикционализация его личности в историко-биографическом дискурсе сопровождается равноправным слиянием компонентов ряда жанровых форм в соответствии с авторскими интенциями. Жанровые модификации историко-биографической прозы, к примеру, представлены в следующих романах об У. Шекспире: альтернативной истории «Покоренная Британия» (*Ruled Britannia*, 2002) Г. Тертлдава, беллетризованной биографии «Завещание Шекспира» (*Will*, 2007) К. Раша, детективе «Сердце тигра» (*A Tiger's Heart*, 2009) Ю. К. Айреса («Код Шекспира» Дж. Андервуда), историографическом метаромане «Бастард г-на Шекспира» (*Mr. Shakespeare's Bastard*, 2010) Р. Б. Райта, экзофикции «Уильям и Сюзанна: тайны семьи Шекспира» (*William and Susanna: Shakespeare's Family Secrets*, 2016) Л. С. Пембрук, хронофантастике «Небеса» (*The Heavens*, 2019) С. Ньюман, неоисторическом романе «Хамнет» (*Hamnet*, 2020) М. О'Фаррелл. Под *жанровыми модификациями* историко-биографической прозы понимаются не столько фиксированные жанровые разновидности исторического и биографического романов, сколько постепенные структурные и функциональные преобразования традиционных жанровых форм, обусловленные тенденциями литературного процесса и спецификой жанровой динамики в определенной культурно-исторической ситуации [14].

Авторы новейших романов об У. Шекспире не выдвигают новые теории касательно жизни и творчества классика – они представляют свою точку зрения на известные факты и теории, предлагают индивидуально-авторские интерпретации биографического мифа об английском драматурге, моделируют персонажей и ситуации в заданном историческом контексте. *Фикционализация* в данном случае предполагает воплощение документального материала (исторических событий и биографических сведений) в литературном произведении, смешение элементов факта и вымысла в той или иной степени в пределах отдельно взятого художественного универсума или дискурса.

Современные англоязычные писатели стремятся не только создать целостный образ драматурга и заполнить биографические лакуны, но и отразить атмосферу елизаветинской эпохи в рамках фикционализации личности и истории в историко-биографической литературе. Комплексный подход к реализации шекспировского кода в современной англофонной литературе способствует жанровой динамике за счет соединения черт историографической и биографической прозы с использованием жанровых форм детектива, триллера, любовного романа, «попаданческой» разновидности фантастики (изменения затрагивают все уровни поэтики – усложняются нарративные стратегии, сюжетно-композиционная организация, хронотоп, разделение на элитарную и массовую литературу нивелируется).

Наблюдается синтез приемов «элитарной» и «массовой» литературы. Изначально подобная дифференциация была весьма условной и имела конвенциональную природу, поскольку в рамках различных эпох и направлений на периферии литературного процесса оказывались те или иные жанры в зависимости от доминирующих тенденций, в том числе и сам исторический роман считался разновидностью несерьезной литературы. В историко-биографической прозе читателями распознается не только «интеллектуальный» пласт в виде шекспировского кода (для чего местами требуется филологическая подготовка и определенная доля начитанности), но и знакомые и понятные жанровые стратегии. Классификация историко-биографических романов о драматурге, таким образом, носит прикладной и отчасти условный характер, поскольку на данном этапе литературного процесса неустойчивые и абстрактные дифференциальные признаки жанров свободно смешиваются в рамках одного литературного произведения. Критериями для выделения жанровой доминанты могут служить авторская интенция (биографический миф или исторический нарратив как сюжетный стержень), степень фактографичности (преобладание документальной составляющей или вымысла), выбор нарративной стратегии.

Таким образом, фикционализация личности У. Шекспира в англофонном историко-биографическом дискурсе XXI в. на пересечении постмодернистской и метамодернистской парадигм (жанровый синтез, интертекстуальная игра, апелляция к общекультурным ценностям, игра с литературной традицией, авторская интерпретация истории в контексте множественности истин, преобладание вымышленной составляющей, реконструкция эпохи) способствует установлению связей между традицией и современностью, укреплению национального самосознания и коллективной идентичности, активизации диалога культур в мировом пространстве (которое не ограничивается англоговорящими странами). Индивидуально-авторские формы репрезентации биографии и истории определяют тенденции дальнейшего развития литературы в русле жанровой динамики, обеспечивают активное вовлечение читательской аудитории в литературный процесс посредством синтеза интеллектуальной прозы и достижений массовой жанровой литературы.

Установка на пересмотр истории, ремифологизацию событий и персоналий с учетом новой парадигмы субъекта, постмодернистская ориентация на множественность возможных версий известных событий, метамодернистская «новая искренность» обуславливают появление в XXI в. синкретической историко-биографической прозы, в центре которой находится У. Шекспир как комплексный культурный феномен (яркий пример – рецепция наследия драматурга в форме экзофикции, которая предполагает реализацию биографического мифа в контексте национального прошлого и культурной традиции). Фикционализация личности драматурга в англофонной литературе XXI в. предполагает синтез различных форм биографической и исторической прозы – от беллетризованной биографии и историографического метаромана

до жанров «массовой» литературы: детектива – конспирологического, исторического, искусствоведческого; (шпионского) триллера; «попаданческой» разновидности хронофантастики; любовного романа.

Соединение различных жанров происходит за счет авторской игры с компонентами различных уровней текста – 1) сюжета (акцент на межличностных отношениях и внутренних конфликтах, отказ от панегиричности, раскрытие переживаний героев на фоне большой истории); 2) хронотопа (нелинейность и отступление от принципа хронологической точности в изложении событий, наличие нескольких временных пластов и основных мест действия, что непосредственно влияет на усложнение композиции); 3) системы персонажей (психологизация образов реальных и вымышленных героев посредством внутренних монологов, исповедальных элементов, диалогов, сновидений); 4) нарратива (присутствие нескольких рассказчиков, зачастую ненадежных, чередование повествования от первого и третьего лица). Наблюдается общая тенденция к усложнению идейно-тематического наполнения и сюжетно-композиционной организации историко-биографической прозы о мифологизированной персоналии, имеющей исключительное значение в контексте связей между прошлым и современностью и выступающей в качестве носителя национального культурного кода и коллективной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хамидуллина, Г. Л.* Понятие биографического мифа в отечественном литературоведении / Г. Л. Хамидуллина, Ю. А. Шанина // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2022. – Т. 2. – № 1 (62). – С. 75–78.
2. *Красавченко, Т. Н.* Постмодернизм мертв? Дискуссии в англоязычной критике (обзор) / Т. Н. Красавченко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение : Реферативный журнал. – 2018. – № 3. – С. 207–217.
3. *Проскурин, Б. М.* Реализм? Модернизм? Постмодернизм? ПостПостмодернизм? Размышления о современной британской прозе / Б. М. Проскурин // Вестник Пермского университета. – Вып. 6(12). – С. 209–214.
4. *Хабибуллина, Л. Ф.* Метамодернизм в романе И. Макьюэна «Невыносимая любовь» (“Enduring love”, 1997) / Л. Ф. Хабибуллина // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2023. – Т. 8. – № 1. – С. 96–107.
5. *Hutcheon, L. A.* Poetics of Postmodernism. History, theory, fiction / L. Hutcheon. – New-York ; London : Routledge, 1992. – 288 p.
6. *Лушникова, Г. И.* Тенденции метамодернизма в современной литературе (на материале романа Дэйва Эггерса «Сфера») / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Слово.ру : балтийский акцент. – 2022. – Т. 13. – № 3. – С. 124–141.

7. Аккер, Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. Аккер ; пер. с англ. В. М. Липки ; вступит. ст. А. В. Павлова. – М. : РИПОЛ классик, 2020. – 342 с.
8. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература: Новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – СПб. : Невский простор, 2002. – 415 с.
9. Duff, D. Modern Genre Theory / D. Duff. – Harlow : Longman, 2000. – 287 p.
10. Соколова, Е. В. Метаморфозы жанра в современной литературе : сб. науч. тр. / Е. В. Соколова ; сост.: Н. Т. Пахсарьян, А. А. Ревякина. – М. : ИНИОН РАН, 2015. – 262 с.
11. Бахтин, М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин // Теория романа (1930–1961 гг.). – М. : Языки славян. культур, 2012. – Т. 3. – С. 9–178.
12. Лейдерман, Н. Л. Проблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром?) / Н. Л. Лейдерман // Литературоведческие термины (материалы к словарю). – 2008. – С. 14–177.
13. Силантьев, И. В. Дискурс и жанр / И. В. Силантьев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9. – № 6. – С. 78–83.
14. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов ; [предисл. В. Каверина ; АН СССР, Отд-ние литературы и яз., Комис. по истории филол. наук, Науч. совет по истории мировой культуры]. – М. : Наука, 1977. – 574 с.

Поступила в редакцию 15.03.2026